Юлия Беринг
АНАТОМИЯ
ФИЗИОЛОГИЯ
ПАТОЛОГИЯ
ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ
Игрушка жестокого мажора.
Ты сделал меня рабыней, а теперь называешь любимой!
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
18+ | СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Юлия Беринг

Игрушка жестокого мажора. Ты сделал меня рабыней, а теперь называешь любимой!

https://litres.ru/74694494
SelfPub; 2026

Аннотация

Я мечтала стать врачом, но одна случайность превратила мою жизнь в кошмар.

Разбитый планшет богатого наследника стоил дороже всего, что у меня было. Артур Волков, жестокий красавец и хозяин медицинской академии, предложил сделку: либо исключение, либо я становлюсь его личной прислугой.

Я согласилась.

Теперь я обязана выполнять его приказы, терпеть унижения и молчать, когда хочется кричать.

Но однажды ледяной мажор начинает смотреть на меня совсем иначе.

Он привык покупать людей и управлять чужими судьбами. Только моё сердце оказалось ему неподвластно.

А когда его семья решит уничтожить меня, Артуру придётся выбрать: власть, богатство или девушку, которую он сам превратил в игрушку.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 35
Глава 6 41
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Юлия Беринг
Игрушка жестокого мажора. Ты сделал меня рабыней, а теперь называешь любимой!

Глава 1

Лекция по анатомии была похожа на пытку холодом. В аудитории «Аскепий-Холла» всегда было на пару градусов ниже нормы, чтобы трупы не воняли раньше времени, но сегодня этот холод впивался мне под куртку, как иголки. Я сидела за первой партой у окна, рядом с Артуром, стараясь дышать ровно и не смотреть на соседа. Под окном протекала труба, и лужица растекалась по линолеуму, как черная кровь.

Староста курса. Сын главного спонсора фонда. И человек, который смотрел на меня так, будто я — вирус, который он пытается стерилизовать взглядом.

Профессор Громов бубнил про фасции и сухожилия, его голос сливался в монотонный гул. Мое внимание рассеялось.

Я потянулась за конспектом, лежавшим на краю парты, и мой локоть — предательски неловкий, слишком размашистый для моего тощего тела — задел планшет Артура.

Он лежал на самом краю, рядом с его локтем в безупречно отглаженном рукаве. Секунда замедлилась. Я видела, как устройство скользнуло по столешнице, перевернулось в воздухе и с глухим шлепком упало прямо в грязную воду под окном.

Тишина в аудитории стала осязаемой. Все головы повернулись к нам.

Артур не вскрикнул. Он не выругался. Он просто медленно поднялся со своего места. Его движения были плавными, хищными, как у пантеры, которая заметила мышь. Он подошел к луже, присел на корточки и молча выловил планшет из мутной жижи. Экран треснул паучьей сетью, корпус слегка погнулся от удара об пол. Капли воды стекали с дорогих часов на его запястье.

Он поднял глаза. Взгляд был пустым, стеклянным, смертельным. Это был не гнев. Это было презрение. Такое глубокое, что у меня свело живот от страха.

— Продолжим лекцию, — сухо сказал профессор, делая вид, что ничего не произошло. Но все понимали: сейчас будет ад.

После звонка я попыталась раствориться в толпе студентов, спешащих к выходу. Мне нужно было бежать. В общежитие. Под одеяло. Исчезнуть.

Но путь мне преградил высокий силуэт в идеально скроенном пальто. Артур блокировал дверной проем, засунув руки в карманы. За его спиной уже собиралась стайка любопытных, среди которых, конечно же, красовалась Марина Ларина, дочь декана, с её вечной улыбкой акулы.

— Стрельцова, — произнес он тихо, но в этой тишине было столько стали, что у меня заложило уши. — Ты хочешь уйти?

Я замерла, чувствуя, как колени становятся ватными.

— Это был несчастный случай, Артур. Я... я могу купить новое стекло. Или чехол. Дай мне неделю, я найду деньги.

Он усмехнулся. Коротко, зло.

— Стекло? Чехол? Ты думаешь, это игрушка из «Фикс Прайса»? Этот планшет стоит больше, чем твоя годовая стипендия. Умноженная на три.

Мой рот открылся, но слов не нашлось. Три стипендии. Для меня это была сумма, равная стоимости ремонта крыши в родительском доме или годам жизни без голодных пауз.

— Пункт 14.2 договора о материальной ответственности студентов за порчу имущества фонда, — процитировал он ровным канцеляритом, доставая телефон. — Ты должна возместить ущерб в полном объеме. Сейчас. Или я звоню отцу и деканату. Исключение гарантировано. Твоя «подачка», эта жалкая стипендиатская помощь, делает людей безответственными, грязными нищетой.

Слово «нищета» ударило больнее пощечины. Я чувство-

вала, как щеки горят, а внутри всё переворачивается от унижения. Марина хихикнула за его плечом, прикрывая рот ладошкой, но глаза её блестели от предвкушения шоу.

— Пожалуйста, не надо! — взмолилась я, схватившись за край его рукава. Ткань была мягкой, дорогой, кашемир. Я ненавидела себя за эту слабость. — Дайте мне время. Я найду работу. Подработку. Всё, что угодно. Только не исключайте меня. Мне некуда идти.

Артур посмотрел на мою руку, сжимающую его манжету, и аккуратно, двумя пальцами, отстранил её, словно она была заразной.

— Нет.

Он поднес телефон к уху.

Паника — звериная, темная — вспыхнула во мне ярче стыда. Если я останусь здесь без стипендии и места в общежитии, я окажусь на улице. А там, в этом городе, меня найдут те, кто знает мою фамилию. Те, кого я боюсь больше, чем исключения.

Я рванула вперед, пытаясь перехватить телефон, выбить его из рук. Мой импульс был чисто инстинктивным, защитным. Но Артур даже не дрогнул. Он легко шагнул в сторону, и я промахнулась, чуть не упав на скользкий пол.

Его лицо исказилось. Холодная ярость сменилась бешенством. Он навис надо мной, одной рукой уперевшись в стену за моей головой, загоняя в угол. Запах его одеколона — сандал и холодный металл — ударил в нос.

— Ты только что подписала себе приговор, Стрельцова, — прошипел он мне в ухо. Его дыхание было горячим, контрастирующим с ледяным тоном. — Физическое нападение на старосту. Это статья. Ты будешь исключена сегодня же. Без права апелляции.

Я отшатнулась и уперлась спиной в холодную стену. Мир рушился. Я закрыла глаза, ожидая удара, крика, конца. Но вместо этого услышала короткий сигнал телефона. Я приоткрыла глаза. На экране побежал таймер видеозаписи. Доказательство.

— Есть другой способ, — сказал он вдруг. Голос стал тише, расчетливее.

Я открыла глаза. Артур смотрел на меня с той же странной, липкой внимательностью, как хирург смотрит на орган перед вскрытием.

— Какой? — спросила я одними губами.

— Работа, — он выпрямился, поправляя манжеты. — Ты станешь моей личной ассистенткой. Тенью. До конца семестра. Выполняешь любые мои поручения. Приносишь кофе, несешь сумки, делаешь домашние задания, стоишь на контроле, пока я ем обед. Любые унижения. Пока долг не будет отработан.

Это был рабский контракт. Прямой, циничный, оскорбительный. Но альтернатива — улица, позор и потеря будущего — была хуже.

Я оглянулась. Марина перестала хихикать. Она смотре-

ла на нас с интересом исследователя, обнаружившего новый вид насекомого. Её глаза говорили: «Ты моя. Теперь ты навсегда внизу.»

— Почему я должна соглашаться? — спросила я, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Потому что ты умная, Вера. И ты знаешь, что если я нажму кнопку вызова, тебя вынесут отсюда через час. А если ты согласишься, ты останешься. Со стипендией. С крышей над головой. Выбор за тобой.

Из портфеля он достал сложенный лист бумаги. Распечатанный договор. Чернила пахли свежестью и ловушкой.

— Подпиши.

Я взяла ручку. Она была тяжелой, металлической. Пальцы скользили по металлу от пота. Я посмотрела на бумагу. Там было написано: «Я обязуюсь служить». Не «помогать». Не «работать». Служить.

Внезапно рука Артура легла поверх моей. Его пальцы были холодными, как скальпель. Он не давил сильно, но его хватка была железной, направляющей. Он заставил моё перо коснуться бумаги.

— Пиши, — приказал он шепотом.

Я начала выводить буквы. «В-е-р-а...» Кожа под его рукой горела. Внутри меня, помимо животного страха, вспыхнула искра чего-то другого. Злости? Вызова? Азарта? Он думал, что сломает меня. Что превратит в послушную игрушку. Но в момент этого контакта, когда он управлял моей рукой, я

почувствовала странную власть. Он держал меня, но я могла бы сорваться. Я не срывалась. Я подписывала. Потому что я хотела остаться здесь. Хотела доказать ему, что я не та, кем он меня считает.

«...Стрельцова.»

Последняя буква «а» получилась кривой, мокрой от пота. Артур забрал листок, свернул его и сунул в карман пиджака. Его пальцы коснулись моей щеки — мимолетно, почти невзначай, убирая прядь волос, упавшую на лицо. Жест был интимным, собственническим.

— Добро пожаловать в ад, тень, — сказал он, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение. — Первый приказ: принеси мне кофе. Черный. Без сахара. Как моя совесть.

Он развернулся и ушел, оставляя меня стоять у стены с пустыми руками и полным ощущением того, что я только что продала душу. Марина обошла меня, толкнув плечом, и прошептала:

— Бедная девочка. Надеюсь, он сломает тебя быстро. Мне будет скучно смотреть на твои попытки.

Я сжала кулаки до побелевших костяшек. Ад уже начался. Но я еще жива. И я еще здесь.

Глава 2

В животе у меня было пусто, как в заброшенном колодце. После того как Артур Волков превратил разбитый планшет в мой долг, мои карманы зияли дырами, а кошелек весил меньше перышка. Я купила самую дешевую лапшу быстрого приготовления — три пакета по двадцать рублей каждый. Два с половиной ушли на вчерашний ужин и сегодняшний завтрак. Оставшаяся половина была моим обедом.

Столовая «Аскепий-Холла» пахла жареным мясом, свежим хлебом и чужим благополучием. Воздух здесь был густым от дорогого парфюма и уверенности в завтрашнем дне. Я шла к раздаче, сжимая поднос так, что побелели костяшки пальцев. На подносе стояла только миска с этой жалкой порцией лапши и стакан воды из кулера. Это было всё.

Я искала свободный столик. В углу, подальше от центрального зала, где крутились те, кому нечего бояться быть замеченными. Но путь мне перекрыл стул. Точнее, нога в дорогих туфлях, выставленная посреди прохода.

Марина Ларина сидела во главе своего стола, окруженная свитой. Она даже не посмотрела на меня сразу. Сначала она лениво помешала ложкой суп, который, судя по виду, стоил больше, чем моя недельная стипендия. Потом подняла глаза. Голубые, холодные, как зимнее небо над нашим городком.

— Ты уверена, что это съедобно? — её голос звенел, при-

влекая внимание соседних столов. Палец с безупречным маникюром ткнул в миску с лапшой. — Пахнет нищетой. И старостью. Откуда ты вообще это взяла? Из мусорного бака за академией?

Щеки вспыхнули. Жар разлился по шее, жгучий и противный. Я хотела сказать что-то колкое, дерзкое, то самое, что крутилось на языке последние три года жизни в общаге для бедных студентов. Но слова застряли в горле комком ваты. Вместо этого я просто молча обошла её ногу, стараясь не задеть поднос.

— Ой, прости! — Марина не уступила место. Она схватила меня за рукав куртки. Хватка была сильной, ногти впивались в ткань. — Я забыла, что ты теперь личная прислуга Волкова. Тебе нельзя сидеть с элитой, Вера. Ты же на контракте. Как там у вас в деревне принято есть? Стоя? На коленях?

Зал замер. Шум приборов стих. Десятки глаз уставились на нас. Я чувствовала себя насекомым под увеличительным стеклом. Внутри всё кричало: «Отпусти!» Но я знала цену скандала. Одно слово против Марины Лариной, дочери декана, могло стоить мне места в университете быстрее, чем любой штраф.

Я резко одёрнула руку, чувствуя, как кожа горит от прикосновения чужого презрения.

— Пусти, — выдохнула я. Голос дрогнул, предательски тонкий.

Развернувшись, я направилась к выходу. Голод кусал живот, но стыд перебивал его. Лучше голодать, чем смотреть на эти лица. Пройдя половину пути, я почувствовала толчок в плечо. Не сильный, но точный.

Кто-то из свиты Марины — парень с самодовольной ухмылкой — задел меня локтем. Поднос взлетел вверх. Миска с лапшой перевернулась в воздухе, выплеснув еще теплый бульон. Стакан с водой опрокинулся.

Жидкость ударила о пол с громким плеском. Лапша расплескалась по белому кафелю, образуя мерзкую кашу. Часть бульона попала на мою блузку. Белую, единственную чистую рубашку, которую я надевала на пары по этике.

Тишина стала оглушительной.

Я смотрела вниз. Красноватые пятна на белой ткани выглядели как кровь. Капли стекали по воротнику, холодные и липкие. Вокруг ног натекла лужа из жира и крахмальной лапши. Запах дешевой еды смешался с запахом пота и страха.

Из дальнего угла столовой послышалось движение. Артур Волков сидел спиной к нам, но я видела его отражение в стеклянной перегородке. Он не ел. Он смотрел в телефон. Его большой палец замер над экраном. Он слышал всё. Каждое слово Марины, каждый звук падения подноса. Но он не двигался.

«Он видит», — пронеслось в голове. «Он знает, кто я такая».

Надежда — глупая, детская, необъяснимая — кольнула сердце. Может быть, он вмешается? Может быть, он скажет ей заткнуться? Ведь это он держит меня в клетке. А хозяева обычно берегут своих питомцев.

Артур медленно поднял голову. Его взгляд встретился с моим. Темный, тяжелый, непроницаемый. Я ждала защиты. Или хотя бы сочувствия.

Он встал. Аккуратно сложил салфетки треугольником. Пошел к нам. Шаг за шагом. Каждый его шаг отдавался эхом в моей груди. Сердце колотилось так, что больно.

Когда он остановился в метре от меня, я увидела его лицо. Никакой ярости. Никакого сострадания. Только расчетливое равнодушие.

Он посмотрел на лужу на полу. Потом на мои пятна на рубашке.

— Ты испачкала пол, — сказал он ровным, бархатным голосом. Без интонаций. — Уборщица придёт через десять минут.

Я открыла рот, чтобы ответить, но он не дал мне говорить.

— Ты нарушила пункт договора о поддержании чистоты рабочего места и личной гигиены студента-ассистента. Штраф: пятьсот рублей из твоей следующей выплаты.

Мир качнулся. Боль от унижения, которая уже начала отпускать, сменилась шоком. Он наказывал меня? За то, что меня облили?

— Ты... — мой шепот сорвался на хрип. — Ты видел, что

они сделали?

Артур не ответил на вопрос. Он достал из внутреннего кармана пиджака платок. Белый, льняной, с тонкой вышивкой. Я напряглась, ожидая, что он протянет его мне. Что он вытрет слезы или грязь.

Но он повернулся к Марине.

— Вытрите камеру, — бросил он ей сухо. — У вас засветилась линза.

Марина хихикнула, принимая платок с довольной улыбкой. Она прижала его к носу, вдыхая запах Артура, как трофей.

— Спасибо, Артур. Такой полезный инструмент.

Она снова подняла телефон. Теперь камера была чистой. Объектив уставился прямо в мое лицо. Крупный план. Мои глаза, полные ужаса. Мокрые волосы, прилипшие к щекам. Пятна на рубашке.

— Смотрите, какая грязь, — комментировала Марина своим подписчикам, голос становился громче, театральнее. — Стипендиаты всегда такие неряхи. #бедность #стыд #аскепийхолл.

Я попыталась закрыть лицо руками, но движения сковались. Страх перед объективом был сильнее голода. Я чувствовала себя обнаженной. Грязной. Чужой.

Артур стоял рядом. Ближе к Марине, чем ко мне. Его тень легла на меня, темная и давящая. Он не отвел взгляда от телефона Марины. Он контролировал ситуацию. Но не мою

сторону ситуации.

Внутри что-то щелкнуло. Звук был тихим, как ломающаяся ветка. Ничего не осталось. Ни надежды, ни желания спорить, ни сил плакать. Только пустота.

Я молча наклонилась. Руки дрожали, когда я подбирала миску из лужи лапши. Бульон капал на мои пальцы, теплые и мерзкие. Я выпрямилась и пошла к мусорному баку у выхода.

Каждый шаг оставлял мокрый след на полу. «Шлеп. Шлеп. Шлеп.»

Проходя мимо преподавателя анатомии, профессора Кима, я поймала его взгляд. Он быстро отвернулся, делая вид, что читает меню. Даже те, кто должен учить милосердию, не могли посмотреть на жертву.

Я вышла из столовой. Дверь закрылась за мной с глухим щелчком, отсекая звуки смеха и фотосессии.

До общежития я бежала. Легкие горели, ноги гудели. В комнате я не включила свет. Просто забралась под душ и намылилась до скрипа кожи. Терла пятна на рубашке, пока ткань не истончилась, но красное не уходило. Оно въелось. Как клеймо.

Запах лапши и дешевого жира пропитал волосы. Я чувствовала себя токсичной. Заразной. Такой, кого лучше не трогать.

Стук в дверь был тихим, но настойчивым. Три коротких удара. Ритм, который я запомнила после первого дня работы

на Артура.

Я распахнула дверь, готовая кричать, готова защищаться последними силами.

Артур стоял в коридоре. Сквозняк шевелил полы его пальто. Он не заходил внутрь. Просто опирался на косяк. Лицо было бесстрастным, но тени под глазами выдавали бессонную ночь.

В руках он держал что-то свернутое. Он молча положил это на подоконник снаружи, за дверью. Чистая рубашка. Белая, плотная ткань, без этикетки, с безупречными швами. Дорогая.

Он не смотрел мне в глаза. Только на дверь, будто проверяя, нет ли кого-то за ней.

— Завтра в шесть утра, — произнес он тихо. Голос звучал хрипло, словно он долго молчал. — Опоздаешь — удвою штраф.

И развернулся, уходя по коридору. Сапоги гулко стучали об пол, удаляясь.

Я захлопнула дверь. Прижалась лбом к холодной поверхности. Сердце колотилось где-то в горле.

Почему? Почему он забрал деньги, но оставил рубашку? Почему он публично унизил меня, назвав грязной, а потом принес чистую одежду?

Я снова открыла дверь. Рубашка лежала на подоконнике в коридоре, освещенная луной. Я взяла её. Ткань была теплой. От неё пахло им. Сандалом, табаком и чем-то металли-

ческим, холодным. Парфюмом, который я чувствовала каждый день, когда он проходил мимо меня в коридоре факультета.

Я перевернула воротник.

На внутренней стороне, там, где шея касается ткани, были вышиты монограммы. Буквы «А.В.» и дата рождения. Дата рождения Артура Волкова.

Эта вещь была снята с него самого. Прямо сейчас. Пока я мылась в душе, он переодевался. И оставил свою рубашку здесь. Для меня.

Руки затряслись. Не от холода. От липкого, ползучего страха.

Он не защищает меня. Он управляет активом. Он знает, что если я буду выглядеть опрятно, Марина потеряет повод для новых фото. Он знает, что я привязана к нему договором. Он дает мне ровно столько, сколько нужно, чтобы я не сломалась окончательно, но не достаточно, чтобы я могла уйти.

Это не дружба. Это не любовь. Это клетка с золотыми прутьями.

Я прижала рубашку к лицу. Запах его кожи, его власти, его тайн заполнил легкие. В глазах защипало. Не от боли. От понимания того, насколько глубоко он видит меня. Насколько точно он рассчитывает каждый мой шаг.

Он знает о моих слабостях больше, чем я сама. И ему нравится держать меня на коротком поводке.

А завтра в шесть утра я должна буду прийти. И надеть эту рубашку. И улыбаться. Потому что альтернативы нет.

Только долг. И холодный взгляд человека, который считает меня своей собственностью.

Глава 3

Тишина в библиотеке «Аскепий-Холл» после десяти вечера была не пустой, а давящей. Она пахла старой бумагой, пылью и чем-то еще — возможно, моим собственным страхом. Я сидела за огромным дубовым столом, стараясь не дышать слишком громко, чтобы не привлечь внимание монстра на диване напротив. Артур Волков занимал там всё пространство: длинные ноги вытянуты, руки скрещены на груди, лицо скрыто тенью от настольной лампы. Но я чувствовала его взгляд. Он сверлил меня даже через закрытые веки, если он вообще спал.

Мой телефон вибрировал в кармане каждый раз, когда кто-то из курса выкладывал сторис с вечеринки, где Марина Ларина пила дорогое шампанское и хихикала над чьей-то бедностью. А я здесь. В этом холодном мраморном гробу.

— Планшет, — бросил Артур, не открывая глаз. Голос был сухим, как пергамент.

Я вздрогнула, хотя он говорил тихо. Подняв глаза, я увидела, что он уже смотрит на меня. В его серых радужках не было ни капли сочувствия, только расчетливая скука. Он щелкнул пальцами, указывая на экран своего устройства, который светился синеватым мертвенным светом. Электронику после моей лужи уже починили; трещины под защитной плёнкой он оставил. Напоминание о долге лежало между на-

ми даже сейчас.

— Что? — спросила я, чувствуя, как предательски дрожат губы.

— Отчёт о проделанной работе. Заполняй. Почерком. На бумаге.

Я моргнула.

— У нас же цифровая система сдачи...

— Моя система требует твоего почерка, Стрельцова. Твоя компьютерная грамотность вызывает у меня аллергию. Или ты хочешь сказать, что твои руки трясет не от холода, а от того, что ты боишься написать правду?

Он не повысил голос. Это было хуже крика. Это была констатация факта.

Я взяла ручку. Пальцы сводило судорогой. Бумага передо мной казалась ледяной плиткой, на которой нужно было высечь приговор самому себе. Каждая буква требовала усилий. «Систематизировать данные по анатомии...» Я писала медленно, боясь ошибиться в запятой. Ошибка означала бы, что он снова вспомнит о долге. О том, что моя жизнь висит на волоске от его каприза.

На третьей странице я сделала паузу, чтобы протереть вспотевшие ладони о джинсы. Взгляд соскользнул с бумаги. Я посмотрела на Артура. Он не спал. Он наблюдал. Не за текстом, а за тем, как белеют костяшки моих пальцев.

И тогда я допустила ошибку. Вместо цифры «14» написала «12». Мелочь. Но в мире Артура Волкова мелочей не су-

ществовало. Только безупречность или смерть репутации.

Сердце пропустило удар. Я замерла, ожидая удара кулаком по столу, оскорбления, угрозы исключения. Тишина стала оглушительной.

Артур поднялся. Его тень накрыла мой стол. Он протянул руку. Я инстинктивно отшатнулась, зажмурившись. Но вместо боли почувствовала лишь легкий шорох бумаги. Он молча вырвал листок из моих рук. Смял его в комок. Бросил в корзину для макулатуры под столом.

Затем положил передо мной новый чистый лист.

— Спишь? — спросил он тихо. В его голосе не было злости. Была странная, искаженная нота, похожая на усталость. — Или думаешь о том, как я тебя уничтожу завтра?

Я открыла глаза. Он стоял надо мной, высокий, неподвижный, как статуя из гранита. Но его глаза... они были красными от недосыпа.

— Я не думаю об уничтожении, — прошептала я, ненавидя себя за то, что мой голос звучит так жалко. — Я просто голодная.

Живот предательски заурчал. Звук был таким громким в этой стерильной тишине, что мне захотелось провалиться сквозь пол. Весь день Марина забирала мою еду, комментируя это перед всей аудиторией: «Бедные девочки должны экономить на обеде, чтобы учиться лучше». А я не ела с утра.

Артур не ответил сразу. Он повернулся спиной к столу, достал свой телефон и набрал номер доставки.

— Доставка, — сказал он в трубку, не глядя на меня. — Две коробки пиццы, кола, салаты. Адрес: центральная библиотека, третий этаж. Имя заказчика: Волков.

Он положил телефон на стол экраном вниз.

— Если ты умрёшь от истощения во время моей смены, мне придётся писать объяснительную ректору. Не хочу тратить лишнее время, Стрельцова. Ешь.

Это не было милосердием. Это было управление ресурсами. Я была инструментом, который нельзя ломать раньше срока.

Через двадцать минут курьер постучал в дверь зоны выдачи книг. Артур встал и направился к выходу. Я осталась на месте, вцепившись руками в край стола. Из двери уже тянуло чесноком и сыром. Запах нормальной жизни, до которой мне больше нельзя было дотронуться.

Когда Артур вернулся, он поставил коробку на стол. Открыл крышку. Пар, горячий и живой, ударил мне в лицо.

— Бери, — приказал он.

Я покачала головой.

— Нет.

Он замер.

— Что значит «нет»?

— Это подачка. Ты купил мне ужин, потому что я нужна тебе здоровой. Я не вещь, которую можно смазать маслом, чтобы она не скрипела.

Гнев вспыхнул внутри меня, яростный и слепой. Мне хо-

телось выбежать из библиотеки, забыть этот контракт, умереть от голода, но сохранить достоинство.

Артур сделал шаг вперед. Затем еще один. Он оказался прямо передо мной, блокируя путь к двери. Он не касался меня. Просто стоял, создавая физическую стену из своих плеч и своего присутствия. Запах дорогого парфюма смешался с запахом пиццы.

— Возьми, — произнес он шепотом. Его тон был ровным, почти дружелюбным, но глаза оставались черными от решимости. — Или я скажу Марине, что ты стащила мои учебники по фармакологии. Выбор за тобой.

Я посмотрела на него. В его взгляде не было злорадства. Там была холодная, математическая необходимость контроля. Он готов был использовать грязь, ложь, шантаж — все средства, которые презирал сам, — только ради того, чтобы заставить меня есть.

Это пугало. Больше, чем его крики. Потому что теперь я понимала: его моральный компас был сломан, но стрелка всегда указывала на меня.

Я схватила кусок пиццы. Жесткие корочки царапали нёбо, сыр тянулся длинными нитями. Я жевала механически, не чувствуя вкуса. Артур сел напротив, откусил свой кусок и отвернулся к окну, за которым чернело небо кампуса.

Мы ели в тишине. Хруст корочек, глотание воды. Звуки, которые казались неприличными.

— Почему именно я? — вдруг спросила я. Вопрос вы-

рвался сам собой, как пуля.

Артур перестал жевать. Медленно повернул голову. Свет лампы подчеркивал тени под его глазами, делал его лицо осунувшимся, хищным.

— Что?

— Почему ты так ненавидишь стипендиатов? Почему ты выбрал меня? У нас сотни должников.

Его челюсть напряглась. Он отложил корку обратно в коробку, аккуратно, как хирург кладет инструмент.

— Потому что ты пахнешь страхом, — сказал он ровно. — А я люблю запах страха. Он честнее твоего высокомерия.

Глава 4

Он встал, оттолкнул стул назад. Стул заскрипел по паркету.

— Мне нужно в туалет. Не трогай мои вещи.

Он ушел в сторону служебных помещений, скрытых за книжными шкафами. Я осталась одна. Сердце колотилось так сильно, что болели ребра. «Потому что ты пахнешь страхом.» Это было не оправдание. Это было признание. Он видел меня насквозь. Видел ту девочку из глубинки, которая мечтает стать врачом, чтобы никто больше не мог сказать ей: «Ты не достойна места в этом мире».

Прошло пять минут. Десять. Из ванной комнаты не доносилось ни звука. Ни шума воды, ни шагов. Только звенящая тишина.

Тревога начала грызть изнутри. Может, он ушел? Может, забыл про меня? Но он сам велел мне не уходить, пока работа не выполнена.

Я встала. Ноги затекли. Я подошла к двери в ванную комнату. Приложила ухо. Ничего.

Преодолевая гордость, которая шептала, что вторжение в личное пространство врага — это самоубийство, я толкнула дверь. Она открылась бесшумно.

Ванная была маленькой, облицованной белой плиткой. Яркий верхний свет резал глаза.

Артур стоял перед зеркалом.

Он не мылся. Не приводил себя в порядок. Он просто стоял, сцепив руки за спиной, и смотрел на своё отражение. Его лицо было пепельно-серым. Руки дрожали. Не мелко, а крупно, так, что кулаки сами собой разжимались и сжимались. В глазах читалось отвращение. Не ко мне. К себе.

Услышав скрип двери, он не обернулся сразу. Сначала он моргнул, словно просыпаясь от кошмара. Потом медленно повернул голову.

Я замерла, держа дверную ручку. Моё сердце остановилось. Король академии. Староста курса. Человек, который разрушал судьбы одним движением пальца, выглядел сейчас как мальчишка, которого поймали за кражей конфет. Но не конфет. За кражей собственной души.

— Закрой дверь, — сказал он.

Голос был хриплым, сорванным. Не приказом. Просьбой.

— И забудь то, что увидела.

Я не двинулась с места. Внутри меня что-то щелкнуло. Образ монолита рассыпался в пыль. Передо мной был человек, сломанный изнутри.

— Артур... — начала я, но он перебил меня.

— Закрой. Дверь.

Но он не кричал. Он просто смотрел на меня с такой мольбой, что мне стало тошно от собственного любопытства. Я сделала шаг назад, собираясь закрыть дверь, оставить его в его адском одиночестве, защитить себя от знания, которое

могло меня убить.

Рука метнулась. Холодные пальцы сомкнулись на моем запястье.

Я вздрогнула. Его хватка была слабой, дрожащей, но цепкой, как у утопающего, который хватает последнюю соломинку. Он потянул меня ближе, не агрессивно, а с отчаянием человека, который боится остаться один в темноте.

— Не уходи, — прошептал он. Глаза его блестели от непролитых слез. — Просто... посиди рядом. Мне нужно знать, что кто-то здесь есть. Даже если это ты.

Мир качнулся. Я, Вера Стрельцова, студентка-медик, жертва буллинга, рабыня по контракту, должна была решить: воспользоваться моментом слабости врага, чтобы получить преимущество? Или сбежать?

Я не вырвала руку. Не ударила его. Колени подогнулись, и я медленно скользнула по стене вниз, опускаясь на холодный кафельный пол.

Артур не отпускал моего запястья. Он тоже сел на пол, прислонившись спиной к раковине. Его голова упала вперед, на грудь. Дыхание сбилось, стало рваным.

— Это из-за деда, — пробормотал он невнятно, скорее себе, чем мне. — Из-за клиники. Из-за крови на руках.

Я не ответила. Я просто сидела, чувствуя, как его пульс бьется в моей руке. Чужой ритм. Страшный и знакомый. Мы были двумя ранеными зверями в одной клетке, и впервые за всю историю нашего противостояния клетка показалась не

тюрьмой, а укрытием.

Время потеряло смысл. Минуты текли, как медовые струйки. Артур дышал ровнее. Его рука расслабилась, но не разжалась. Голова его склонилась на мое плечо. Тяжесть его тела придавила меня к полу, но это не давило. Это грело.

Я сидела неподвижно, боясь пошевелиться, боясь нарушить эту хрупкую иллюзию покоя. Мои глаза были сухими. Слез больше не осталось. Только пустота, заполненная этим странным теплом.

«Вибрация.»

Телефон в кармане джинсов завибрировал. Один раз. Второй. Третий.

Я не могла двигаться. Артур спал. Или был без сознания. Его ресницы дрожали на бледных щеках.

Аккуратно, свободной рукой я достала телефон. Экран осветил наши сцепленные руки.

Сообщение от Марины Лариной. Время получения: 02:15 ночи.

«Где ты была сегодня? Я видела тебя с ним. Вы вместе уходили в библиотеку. Ты продажная шлюха, Вера. Продаешься за место в группе? За еду? Как низко. Тебе место в канаве, а не в белом халате.»

Я перечитала сообщение дважды. Слова были ядовитыми, точными, жестокими. Обычная Марина. Она знала, куда бить. Она видела нас. Она построила свою версию реальности, в которой я была падшей женщиной, а Артур — хозяи-

ном.

Я посмотрела на спящего врага. На его расслабленное лицо, на темные круги под глазами, на то, как его пальцы всё ещё держали мое запястье.

Впервые за эти три дня я не почувствовала желания ударить его. Не тянуло и вырваться и убежать, крича от унижения.

Вместо этого меня подташнивало от ужаса. Ужаса от того, насколько сильно мне нравится эта тишина. Насколько тепло становится от веса его головы на моем плече. Насколько безопасно быть рядом с человеком, который может уничтожить тебя одним словом, но сейчас просто спит, потому что исчерпал все силы.

Марина права. Я действительно продажна. Только не за еду и не за место в группе.

Я продала свое право ненавидеть его.

И самое страшное было то, что цена этой сделки оказалась смехотворно низкой. Всего одна ночь. Одна тишина. Одна капля человечности в океане его жестокости.

Я положила телефон обратно в карман, экраном вниз. Экран погас.

Артур глубоко вздохнул во сне, и его пальцы слегка сжались вокруг моего запястья.

Я закрыла глаза.

Завтра будет война. Завтра Марина поднимет шум, преподаватели будут смотреть на меня с жалостью, а Артур вер-

нется в роль короля, который не помнит, как плакал на полу.

Но сейчас... сейчас мы были просто двумя людьми на кафельном полу. И это было опаснее любого контракта.

Грантовый конкурс «Аскепий-Холл» пахнет не деньгами, а потом и страхом.

Артур Волков сидел напротив меня в библиотеке, скрестив руки на груди. Его лицо было маской из фарфора — безупречной, холодной и абсолютно бесполезной для реальной работы.

— Ты слишком мелкая рыба для закрытых баз клиники, Вера, — произнес он тихо, но так, чтобы каждый слог резал воздух. — Будешь работать только по моим шаблонам. Не смей лезть туда, где я не сказал.

Я кивнула. Внешне — покорная стипендиатка, которая боится лишиться места. Внутри — зверь, загнанный в угол. Шаблоны Артура были красивыми клетками. Они вели к гарантированному второму месту и позорной дисквалификации за «этические нарушения». Я знала это интуитивно, тем чутьем, которое привело меня сюда из глубинки, где жизнь научила выживать, а не просто существовать.

Когда Артур ушел на лекцию, я не стала открывать его файлы. Я спустилась в подвал.

Там пахло плесенью и старой бумагой. Это был архив случаев, которые «замяли» десять лет назад. Цифровые базы уже отредактированы, стерилизованы до блеска корпоративной этики. А бумажные следы? Бумага помнит всё. Мои

пальцы дрожали, пока я перелистывала желтые страницы с диагнозами, похожими на мой собственный проект. Здесь была правда. Грязная, неудобная, но настоящая. Я фотографировала каждую страницу, чувствуя, как впервые за месяц глотаю собственную гордость ради истины. Это был саботаж его метода. Мой первый акт неповиновения.

Обед в столовой стал полем боя. Марина Ларина подошла к нашему столику, когда я пыталась проглотить кашу, не глядя на Артура. Она остановилась, оглядывая мою дешевую синтетическую куртку.

— Опять эта дешевка? — её голос звенел, привлекая внимание соседних столов. — Артур, ты позоришь фамилию, связываясь с нищетой. У нас есть свободное место в команде. Мы возьмем тебя, если ты отпустишь эту... ассистентку. Легкая победа гарантирована.

Артур даже не поднял глаз от телефона. Но его движение было красноречивее слов. Он демонстративно передвинул свой стул ближе ко мне, так что наши колени почти соприкоснулись.

— Вера, посмотри на этот симптом гипертонической энцефалопатии у пациента с номером 402, — начал он ровным, деловым тоном, игнорируя Марину полностью. — Ты видишь расхождение в показателях давления после инфузии?

Марина побледнела. Её публичное унижение превратилось в нелепый спектакль. Но она ушла, не получив ответа. И

я осталась в позиции объекта: Артур использовал меня как щит против неё, но не назвал союзником. Тактика, а не мораль.

Ночь в аудитории подготовки была тихой, кроме гула серверов и шороха бумаги. Мы работали над финальным кейсом. Я протянула Артуру кружку с остывшим кофе, отвлекаясь на секунду. Его локоть задел край чашки.

Кофе разлился черной рекой прямо по единственной распечатке нашей гипотезы. Чернила поплыли, буквы растворились в коричневой жиже.

Глава 5

Тишина стала осязаемой, тяжелой, как бетонная плита.

— Ты неаккуратна, Вера, — голос Артура был низким, опасным. — Генетическая предрасположенность к неудачам. Если бы не контракт, я бы сдал тебя деканату за порчу имущества. Разорву договор и уничтожу твою карьеру одним звонком.

Страх схватил меня за горло. Руки дрожали. Но внутри вспыхнуло что-то другое. Злость. Холодная, расчетливая злость.

— Я не могу купить тебе новую чашку, — сказала я, доставая ноутбук. Пальцы быстро забегали по клавишам. — Но я могу дать тебе идею, которую ты упустишь.

За пятнадцать минут я восстановила текст. Но не просто копией. Я добавила анализ симптомов пациента, который Артур ранее пропустил, считая их несущественными. Я использовала данные из подвала, не называя источник напрямую, но вплетая логику так плотно, что разрыв невозможен.

— Вот, — я развернула экран к нему. — Теперь это не просто шаблон. Это доказательство системного сбоя. Твоего или их.

Артур посмотрел на экран. Потом на меня. В его глазах мелькнуло удивление, смешанное с чем-то новым. Он больше не видел во мне только «подачку». Он увидел инстру-

мент. Ценный, непредсказуемый.

Утро принесло катастрофу. Куратор проекта, седой профессор Никольский, вызвал нас в кабинет. На столе лежала заявка команды Марины Лариной. Подана раньше срока. Методология совпадала до запятой. Даже опечатки в формулах были идентичны.

— Плагиат, — констатировал Никольский, не поднимая глаз. — Если совпадения подтвердятся экспертизой, оба проекта дисквалифицируются. Вы потеряете все баллы. Оба.

Артур встал. Его лицо окаменело.

— Мне нужно идти, — сказал он сухо. — Я найду решение. Один.

Он шагнул к двери. Инстинкт самосохранения кричал ему: спасай себя, жертвуй стипендиаткой. Я видела это. Видела, как он готовился сдать меня, чтобы сохранить статус старосты.

Я сделала шаг вперед и физически заблокировала дверь. Моё плечо упиралось в дерево.

— Нет, — выдохнула я. — Мы идем вместе. Или не идем вообще. Покажи им черновики. С временными метками.

Артур замер. Воздух между нами загустел. Он мог толкнуть меня. Мог сказать охране. Вместо этого он медленно повернулся, и в его взгляде появилась ярость, смешанная с признанием.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил он шепотом.

— Я понимаю, что мы проиграем поодиночке, — ответила

я, не отступая.

Это был первый момент, когда мы стали единым организмом. Не хозяин и раб. Два человека, прижавшиеся спиной к спине в темном переулке.

Защита проходила в большом актовом зале. Комиссия смотрела на нас с интересом. Марина сидела в первом ряду, улыбаясь своей хищной улыбкой. Когда настала очередь вопросов, она вышла к трибуне.

— Госпожа Стрельцова, — начала она сладко. — Вы упомянули протокол реабилитации пациентов элитных клиник. Можете ли вы объяснить разницу между частным страховым случаем и государственной квотой на примере термина «преэклампсия III степени»? Или вам знакомо только понятие «бесплатная медицина»?

Зал затих. Все ждали, что я запнусь. Что выдам своё происхождение, свою провинциальность, свое незнание того мира, куда меня пустили на поводке.

Я открыла рот. Ответ был правильным. Академичным. Скучным. Комиссия начинала заскучать, отводя глаза.

И тут Артур взял микрофон.

— Позвольте дополнить, — сказал он уверенно, глядя прямо на Марину. — Протокол, о котором говорит госпожа Стрельцова, основан на данных клиники Волковых за последние пять лет. Я лично курировал подобные случаи. Разница не в терминологии, а в доступе к ресурсам. И именно об этом говорит наш проект. О том, как система маскирует

неравенство сложными словами.

Он говорил гладко, авторитетно. Но в конце фразы он повернулся ко мне и кивнул. Этот жест означал: «Ты права. Я стою за твоей спиной». Он использовал свой привилегированный статус, чтобы легитимизировать меня. Это был жест власти, направленный на защиту партнера. Марина изменилась в лице.

Мы вышли из зала в предвкушении победы. Грант был нашим. Деньги, независимость, конец контракта.

Но куратор вызвал нас отдельно. Дверь кабинета закрылась.

— Проект Марины принят, — сказал Никольский, кладя руки на стол. — Ваш — нет.

Воздух вышел из легких.

— Причина? — спросила я, чувствуя, как мир качается.

— Нарушение этики при сборе данных. Подлог источников. Декан Ларин проверил ваши ссылки. Они ведут на архивы, закрытые для студентов.

Я посмотрела на Артура. Он был бледным. Не от шока. От узнавания. Он знал. Он всегда знал, что отец замешан в коррупции. Он молчал, чтобы сохранить место. Чтобы иметь доступ к рычагам управления изнутри.

— Ты знал? — прошептала я. Ярость обожгла горло. — Ты позволил мне рисковать всем этим, потому что трусил? Потому что твоя семья важнее справедливости?

— Вера, подожди... — он потянулся ко мне.

— Нет! — Я достала из кармана копию договора о рабстве. Рваный лист бумаги. Швырнула ему в лицо. — Ты не можешь быть судьей и палачом одновременно. Я ухожу.

Он попытался схватить меня за руку, но я вырвалась. Больно. По-настоящему. Я выбежала из кабинета, оставив его стоять среди обрывков контракта.

Позже, в пустой аудитории, где я собирала вещи, дрожащими руками складывая тетради в рюкзак, вошел Артур. Он не просил прощения. Не оправдывался.

Он положил на парту конверт. Плотный, белый.

— Возмещение ущерба за планшет. И штраф за нарушение условий договора, — сказал он ровно. — Ты свободна, Вера. Финансово и юридически.

Я не взяла деньги. Смотрела на него, видя не короля академии, а такого же заключенного. Как и я. Заключенного в золотой клетке лжи своего отца.

— Ты ошиблась в одном, — произнес он тихо. — Ты думала, что я защищаю свою семью. Я защищал тебя от того, чтобы ты стала такой же, как они. Знал о махинациях деда. Молчал годами. Ждал момента, когда смогу использовать информацию, не разрушив всё сразу. Но я потерял контроль над ситуацией. Над тобой.

Его лицо исказилось. Маска треснула. Под ней был стыд. Глубокий, черный стыд за грехи крови. Он ненавидел напоминания о грехах своего рода. Только расплачивалась за его стыд я: своей едой, сном, страхом перед каждой парой. Те-

перь я знала, откуда взялась его жестокость. Прощать её от этого не хотелось.

Теперь я знала его секрет. Динамика изменилась необратимо. Мы больше не враги. Мы сообщники в преступлении против системы. И этот груз давил сильнее любого контракта.

Я схватила рюкзак и вышла. Дождь хлестал по стеклам кампуса, размывая контуры зданий. Мир казался серым и грязным. Я шла прочь, чувствуя пустоту в руках — там, где должен был быть грант, а теперь была только свобода, пахнущая гарью.

Телефон в кармане вибрировал. Экран осветился холодным светом. Сообщение от неизвестного номера.

«Он сказал, что ты знаешь слишком много. Беги. — М.»

Кровь застыла в жилах. Это могла быть ловушка Марины. Или помощь от кого-то другого. Но страх вернулся мгновенно, острее, чем раньше. Я стояла под дождем, читая эти слова, и понимала: конец контракта не был концом игры. Это было начало войны.

Глава 6

Вечерняя библиотека пахла пылью, старыми учебниками и моим собственным триумфом. После того как я вырвалась из контракта с Артуром, мир снова обрел четкие контуры. Я была свободна. Я была умна. И главное — я была никому не обязана.

Мои пальцы скользили по клавиатуре ноутбука, вводя формулы фармакокинетики. Проект должен был стать моей визитной карточкой: безупречный расчет, идеальная модель распределения препарата в плазме крови. Никаких ошибок. Никаких «подачек». Только холодная наука.

— Стипендиаты всегда путают дозировку с ценой билета в кино, — раздался бархатный голос над ухом.

Марина Ларина сидела напротив, листая глянцевый журнал. Она даже не подняла глаз, но уголки её губ приподнялись. Острый, как скальпель, запах её дорогих духов смешивался с затхлостью библиотеки, вызывая тошноту.

Я не ответила. Гордость кусала за язык, требуя огрызнуться, но я знала: любой мой ответ станет новостью для курса. Вместо этого я просто нажала Enter, сохраняя черновик, и демонстративно начала сверять цифры в распечатке. Марина фыркнула, захлопнула журнал и встала.

— Скучно ты работаешь, Вера. В тебе нет ни огня, ни азарта. Как бухгалтер в бюджетном учреждении.

Она направилась к выходу, оставив на столе чужую папку с распечатками. Интуиция зазвенела в голове тревожным колокольчиком. Папка лежала ровно посередине стола, словно приглашая взять её. Но гордость не позволила. «Её данные грязные», подумала я. «Они поддельны». Я отвернулась, чувствуя легкое головокружение от собственного превосходства.

Я досидела в библиотеке до самого закрытия, сверяя последние страницы распечатки, и ни разу не обернулась на чужую папку. Пусть лежит. Пусть гниёт среди чужих конспектов.

Наутро я пришла на семинар раньше всех и достала тетради. После вчерашней победы над собственным любопытством хотелось верить, что день будет моим.

Семинарская аудитория гудела предвкушением. Профессор Громов, человек с лицом каменного истукана, объявил:

— Для финального моделирования требуется сверка исходных данных с лабораторным журналом группы Б. Доступ только через общий сервер старосты курса.

Группа Б. Группа Марины. Сердце ушло в пятки. Просить доступ напрямую означало показать слабость, дать ей повод для новой шутки. Альтернатива была одна — Артур.

Я написала ему сообщение. Просто запрос на файл. Ни слов приветствия, ни извинений за прошлое. Только деловой тон.

Ответ пришел мгновенно. Сухо, без эмоций:

«Файл на сервере. Не трогай исходники.»

Странно. Раньше он бы добавил ехидство или угрозу. Сейчас он выступал нейтральным техническим ресурсом. Это сбивало с толку больше, чем его ненависть. Где ловушка?

Я подключилась к университетскому Wi-Fi, руки дрожали от нетерпения. Скачала файл «Lab_Data_GroupB.xlsx». Открыла свои расчеты рядом. Сверила первую строку. Вторую. Третью.

Разница в 0.5%.

Для обычного проекта это погрешность. Для фармакокинетики критической дозы — это смерть пациента. Или провал защиты.

Я перепроверила трижды. Ночь расползалась за окном аудитории, превращаясь в черную дыру. Мои глаза жгло, спина ныла от неудобной позы. Данные внутри файла выглядели корректными математически, но противоречили физике процесса. Концентрации в контрольных точках не сходились с указанным периодом полувыведения. Либо я ошиблась в базовых константах (невозможно), либо файл был изменен.

Решение пришло само собой. Я не буду спорить с реальностью. Я адаптируюсь.

Я начала вручную корректировать свои расчеты, подгоняя их под чужой, явно искаженный файл. Каждый измененный знак оставлял во рту привкус пепла. Научная честность,

которую мне вбивали в голову с первого курса, трещала по швам. Но результат важнее принципов. Если я хочу остаться здесь, если хочу доказать им всем, что я достойна места в этой академии, я должна сдать проект. Любой ценой.

Когда я ставила последнюю точку в итоговой таблице, экран монитора внезапно погас.

В темноте отражения я увидела тень. Высокую, широкую в плечах фигуру, стоящую прямо за моей спиной.

Артур Волков.

Он не кричал. Не смеялся. Он просто молча смотрел на то, что я делаю. Его взгляд был тяжелее бетона.

Мы смотрели друг на друга в темноте аудитории, где в погасшем мониторе тускло отражались две фигуры. Секунды складывались одна на другую, и я не знала, что хуже: это молчание или то, что я понятия не имела, сколько он уже стоит за моей спиной.

— Ты знаешь, что делаешь, — произнес он наконец. Голос был тихим, но в пустой аудитории он звучал как гром.

Я вздрогнула, отшатнувшись от стола. Колени подогнулись, но я заставила себя выпрямиться. Страх сменился злостью.

— Это мелочь, Артур. Погрешность округления. Проект важнее твоих моральных дилемм.

— Это не твои данные, — сказал он, подходя ближе. Его пальцы холодно коснулись моего подбородка, заставляя поднять глаза. — Ты знаешь это. Ты подделала результат, чтобы

угодить врагу.

— Я спасла свой проект! — прошипела я. — Тебе ли не знать цену ошибки?

Он развернул к себе мой ноутбук и закрыл крышку. Одно резкое движение, и я осталась безоружной. Артур посмотрел на устройство, затем на меня. Лицо было каменной маской, но в глазах плескалось что-то темное, непонятное.

— Ты потеряла лицо, Вера, — констатировал он факт. — И теперь прячешь его, будто ничего не случилось.

Он подхватил ноутбук, развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что со стен посыпалась штукатурка. Почему он не уничтожил доказательства? Почему не сдал преподавателю? Загадка висела в воздухе, липкая и неприятная, как паутина.

Ночами я перебирала варианты, пока не сбилась со счёта. Заявить на него в деканат? Признаться Громову в подгонке цифр? Каждый выход тонул в собственных последствиях, и в итоге я делала единственное, что умела, — зубрила текст доклада по бумажным распечаткам, без ноутбука, без права на правку.

Так и пролетели дни до защиты: я засыпала с блокнотом на груди и просыпалась с первой строчкой введения на губах.

День защиты наступил слишком быстро. Зал был полон. Преподаватели сидели в первом ряду, студенты заполнили амфитеатр. Марина Ларина занимала место справа от меня, её улыбка сияла белыми зубами хищника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.